

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2012
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Единицами когнитивной подсистемы лингвокультуры являются *МЕНТЕФАКТЫ*, понимаемые как единицы содержания сознания. Они могут рассматриваться с точки зрения разных уровней, которые предопределяются «широтой охвата» тех совокупностей знаний и представлений, в которые они входят. Соответственно, ментефакты могут быть репрезентантами как *ИНДИВИДУАЛЬНЫХ*, так и *КОЛЛЕКТИВНЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ*, а также национально-культурной *КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ* и *КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА*. Вопрос о ментефактах, носящих универсальный характер, на сегодняшний день остается открытым.

В рамках данной работы мы не рассматриваем ментефакты, носящие сугубо личностный характер, отдавая предпочтение исключительно тем ментефактам, которые принадлежат *общественному сознанию*. При этом основное внимание уделяется ментефактам, находящимся на национально-культурном уровне, т. е. входящим в *КОГНИТИВНУЮ БАЗУ* и являющимся единицами *КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА*.

На сегодняшний день выявлено и описано не так много *КЛАССОВ* ментефактов, что обуславливается, вероятно, тем, что, во-первых, эта работа началась все-таки не так давно (особенно по сравнению с традиционной лингвистикой, ведущей свою историю со времен Аристотеля), во-вторых, основных классов скорее всего и не может быть много. Выявленные и в той или иной степени изученные классы складываются в некую систему, которая – в силу только что сказанного – не является жесткой и закрытой.

Итак, сегодня представляется возможным утверждать существование следующих четырех *КЛАССОВ* ментефактов, которые могут быть представлены в виде линейно развернутой цепочки (см. схему 1):

Схема 1. Классы ментефактов
Человека Говорящего

Кратко представим данные классы ментефактов.

1. ЗНАНИЯ

ЗНАНИЯ есть система структурированных и иерархизованных информационных единиц, которые хранятся в долговременной памяти в неизменном виде, при этом трансформации и модификации знаний возможны, но требуют осознанных усилий [Ришар, 1998: 5; КСКТ, 1996: 28-29] (примером может служить не столь давнее изменение числа планет Солнечной системы) и имеют необходимым условием максимально возможную «объективность», «адекватность», «истинность». Казалось бы, последнее утверждение противоречит тому очевидному факту, что некоторые знания могут представлять как ошибочные и полуправдивые (вспомним цитировавшегося ранее М. Блэка). Однако, говоря об «объективности», «адекватности» и «истинности» знаний, я имею в виду, так сказать, «внутреннюю» оценку знаний (изнутри сообщества – их носителя), но никоим образом не абсолютную их объективность, адекватность, истинность (отчего, кстати, данные слова при обсуждении знаний я беру в кавычки). Кроме того, то, что является *ЗНАНИЕМ* для одного сообщества, может расцениваться другим как *ПРЕДСТАВЛЕНИЕ*. Сравните, например, оценки представлений о сотворении или устройстве мира с точки зрения различных религиозных учений, с одной стороны, между собой, и с другой – с тем, что утверждает современная наука (о схожей ситуации в области мифологии писал М. Элиаде: «Разумеется, то, что считалось “истинным” сказанием в одном племени, могло стать “вымышленным” в соседнем племени. “Демистификация” – процесс, обнаруживаемый уже на архаических стадиях культуры. Важно то, что “дикари” всегда чувствуют разницу между мифами (“истинные сказания”) и сказками и легендами (“вымышленные сказки”»)» [Элиаде 2000: 17]). Более того, как только знания оцениваются как ошибочные, они теряют статус собственно *ЗНАНИЙ* и переходят в иной *КЛАСС* ментефактов – в класс *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*, и это, кстати, очень точно фиксирует наш язык. Так, например, мы говорим о *знаниях* современных исследователей и о *представлениях* средневековых ученых.

Из всего только что сказанного логически следует, что сама *система ЗНАНИЙ* рассматривается нами как достояние коллективное, принадлежащее *общественному сознанию*. И еще одно замечание. *ЗНАНИЯ* изначально лишены *аксиологии*: сами по себе они никоим образом не связаны с оценками, отношениями, эмоциями (как бы ни относиться, например, к таблице умножения в целом или к отдельным ее частям, сам факт того, что $2 \times 2 = 4$, а $5 \times 5 = 25$, эмоционально нейтрален и безоценочен). Вероятно, это связано с тем, что зна-

ния *выучиваются* (в отличие от ментефактов других классов, которые складываются в процессе прижизненного опыта).

Как мы уже говорили, знания *могут быть абсолютно нейтральны* и с точки зрения культурной маркированности, т. е. могут не зависеть от языка, культуры, вероисповедания и т. д. В данном случае для нас важно не то, что знания могут быть «обязательны для всех», независимо от образования, профессии и под. (см. наши рассуждения о возможности / невозможности существования «универсальной» когнитивной базы), но только то, что *многие элементы системы знаний лишены культурной специфичности* (на синхронном уровне). Таковы различные правила, законы и формулы из сферы естественно-научного знания – математики, физики, химии, биологии (таблица умножения, правила сложения и вычитания, $E = mc^2$, H_2O , CO_2 , система растительного и животного мира К. Линнея и т. п.); местоположение определенных географических и культурных объектов (например, Эйфелева башня находится в Париже, столице Франции – европейского государства); место и даты событий (например, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была 6 и 9 августа 1945 года); время создания и имена авторов различных произведений (например, «Сикстинская Мадонна» была создана Рафаэлем в 1512-1523 годах как алтарный образ для капеллы монастыря Святого Сикста в Пьяченце по заказу Папы Юлия II в честь победы над французами, вторгшимися в Италию и присвоения Пьяченце статуса Папской области; а роман «Преступление и наказание» был написан Ф.М. Достоевским в 1866 году), и т. д., и т. п. См. также:

... В подвале умирал император. Сколько их таких было... **Кто в луже мочи... Кто на острове... Кто в бункере...** А он [Нерон] – на грязной циновке в подвале... Э. Радзинский. *Нерон*.¹

Поляк, нашедший работу в Италии, исключение. Конечно, если он не **папа римский** или кто-то из его окружения. Ч. Абдуллаев, *Смерть на холме Монте-Марио*.

Вместе с тем, существуют и знания, специфически присущие той или иной культуре или нескольким культурам и – в силу этого – потен-

¹ Как показали неоднократно проводившиеся мною опросы в интернациональных учебных аудиториях (в том числе в университетах Китая), *Наполеона и Гитлера* опознает практически 100% ии. Проблемы возникают с идентификацией *Сталина*, причем не только среди иностранцев, но и русских: даже у русских ии. на это уходило гораздо больше времени (в отличие от мгновенного именованя двух других персонажей истории), если опознавание вообще происходило. Вероятно, данный случай следует отнести к знаниям, входящим либо в ККП (напр., людей, читающих Э. Радзинского или увлекательного советской историей), либо в периферию русской КБ.

циально закрытые для представителей других культур. Например, для представителей русской культуры и лингвокультуры совершенно очевидна связь {Наталья Николаевна → Гончарова} и {Анна Петровна → Керн} → Пушкин:

- Меня зовут Александр Борисович. Можно просто Саша.
- А меня **Наталья Николаевна**, можно Наташа, – в тон ему ответила попутчица.
- **Гончарова?** – предположил Александр.
- Денисова, – рассмеялась Наталья Николаевна. *Ф. Незнанский, Опасно для жизни.*

Хочу памятник **Пушкину** поставить... Проводили мы **Анну Петровну**, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. **Там Анна Петровна, тут Анна Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то будет мило...** Ты мне помочь должен. *Т. Толстая. Кысь.*

Следующие контексты также абсолютно прозрачны для представителей русской культуры / лингвокультуры (даже если они не сразу вспомнят имя Дантеса, что, кстати, в данном случае и не столь важно):

Вспоминается ворошиловский стрелок, недоумевавший **на Пушкинской площади**, почему **памятник поставили не тому, который попал**. *А. Жолковский, Эросипед и другие виньетки.*

На знании (школьном – *sic!*) произведений А.С. Пушкина построен следующий анекдот из недавнего прошлого:

Игра «Что? Где? Когда?». Команде знатоков задают вопрос: Какое произведение Александр Сергеевич Пушкин посвятил Анне Петровне Керн?

Ответ знатоков: Анне Петровне, я подчеркиваю – Петровне, Керн Пушкин посвятил строки: «Люблю тебя, Петра творение...»

Следующие примеры крайне интересны с той точки зрения, что они показывают, как система знаний может меняться со временем: проводившиеся опросы показали, что современные русские студенты без дополнительного комментирования могут и не понять, о чем идет речь (вспомним в связи с этим рассуждения М.А. Кронгауза о проявлениях межпоколенного культурного разрыва [Кронгауз 2008]):

– Кроме того, добавил вдруг Блумберг, – у него несколько другая графа по пятому пункту², а для правительства это имеет значение.

– Хватит, – поморщился Дронго, – вы еще обвините в антисемитизме министра финансов, который, по-моему, тоже еврей. Ч. Абдуллаев, Плата Харону.

Полилась музыка. Ну почему производителей телефонов заиклило на Моцарте? В конце концов, есть Чайковский, «Лебединое озеро»... Хотя нет, **мелодия** из балета про белых птиц мигом вызывает у россиянина дикий ужас. Десять из девяти, подняв трубку, подумают: **опять революция**³. Нет уж, пусть лучше звучит Моцарт! Д. Донцова, Красавица без чудовища.

Итак, как мы видели, **ЗНАНИЯ** сами по себе, как элементы системы, могут быть *отмечены культурной маркированностью*, но могут быть и *абсолютно свободны* от нее.

Что касается *системы ЗНАНИЙ*, то, как мы уже говорили ранее, она всегда *культуроспецифична* и, более того, всегда *предопределена культурой*.

Итак, **ЗНАНИЯ** как **КЛАСС** ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. предстают как **СИСТЕМА**;
2. хранятся в **ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ**;
3. хранятся в **НЕИЗМЕННОМ ВИДЕ**;
4. могут поддаваться **ТРАНСФОРМАЦИИ**, но только **ОСОЗНАННОЙ** и специальной;
5. обладают **«ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ»**, **«АДЕКВАТНОСТЬЮ»**, **«ИСТИННОСТЬЮ»**;
6. **ВЫУЧИВАЮТСЯ**;
7. принадлежат **ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ**;
8. **ЛИШЕНЫ ЭМОТИВНОСТИ, АКСИОЛОГИЧНОСТИ, ОЦЕНОЧНОСТИ**;
9. отдельные **ЭЛЕМЕНТЫ** системы могут быть как **КУЛЬТУРОНЕЗАВИСИМЫМИ**, так и **КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫМИ**; сама **СИСТЕМА** всегда **ОБУСЛОВЛИВАЕТСЯ КУЛЬТУРОЙ**.

2. Понятия

² Напомню, что пятым пунктом в советской анкете всегда указывалась национальность.

³ Напомню, что в советские годы почему-то именно «Лебединое озеро» любили демонстрировать по ТВ во время официального траура, связанного, как правило, с уходом из жизни одного Генсека ЦК КПСС и выборами другого. И кроме того, что особенно важно для данного контекста, именно «Лебединое озеро» шло практически по всем официальным каналам ТВ во время приснопамятного путча ГКЧП в августе 1991 г.

ПОНЯТИЯ суть результат рационально-логического осмысления действительности, генерализации, категоризации, систематизации. Будучи естественным результатом свойства человеческого сознания, логического мышления, работающего по единым для человека как такового (*Homo sapiens*) законам, *ПОНЯТИЯ* как ментефакты, подобно многим *ЗНАНИЯМ*, сами по себе не обуславливаются культурой и не зависят от нее. Культурномаркированным оказывается исключительно наличие / отсутствие тех или иных понятий в той или иной культуре. Вспомним в связи с этим утверждением слова Э. Сепира: «... наличие или отсутствие общего обозначения для какой-то группы понятий в значительной мере связано с тем, имеется ли у людей интерес к соответствующим явлениям окружающей среды. Чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего для них понятия. И наоборот, чем меньшее значение имеют некоторые элементы среды для данной культуры, тем больше вероятность того, что все они покрываются единственным словом общего характера» [Сепир 1993: 273]. Не комментируя приводимое объяснение причинно-следственных связей, отметим явную культурную обусловленность *самого факта существования* понятия, о которой говорит американский исследователь.

В связи с нашими рассуждениями о *ПОНЯТИЯХ* как ментефактах стоит, вероятно, обратиться к взглядам представителей когнитивной науки (например, Э. Рош, К. Мервис, Дж. Лакоффа и др.), которые, исследуя систему знаний человека, выстраивают ее некоторую иерархию.

Напомню, что когнитивисты утверждают наличие базового уровня, формируемого определенными категориями (наверное, лингвистам было бы удобнее использовать в данном случае термин «феномен» или «единица»). Данные категории, по мнению когнитивистов, первыми всплывают в памяти в случае необходимости той или иной репрезентации ситуации / картинки; их упоминание необходимо и достаточно для адекватного «описания» ситуации / картинки; они базируются на гештальтном восприятии и их образ мы легко можем представить; они первыми выучиваются в процессе онтогенеза детской речи⁴ и/или легче

⁴ Необходимо отметить, что данное положение не подтверждается стопроцентно исследованиями в области онтогенеза детской речи. Дело в том, что последовательность, которая определяет овладение ребенком степенями обобщения, может быть разной. С одной стороны, ребенок может переходить от конкретно-действенного мышления к конкретно-образному, постигая при этом обобщающее значение разных наименований. Например, от восприятия слова *береза* как «имени собственного» конкретной березы, которую он увидел впервые, к пониманию того, что этим словом называются и все другие березы. Иначе говоря, слово начинает приобретать все более широкое значение для ребенка, который поднимается на новую ступень обобщения. Затем ребенок узнает слово с еще

запоминаются при изучении иностранного языка; по отношению к ним мы легко можем представить себе конкретное действие и т. д. Например, к категориям базового уровня относятся такие, как *птица, собака, стол* и под. Мы можем детализировать наше сообщение, уточнив категорию базового уровня и тем самым перейдя на нижестоящий уровень: *птица – ворона, воробей, попугай...; собака – спаниель, сенбернар, такса...; стол – обеденный, письменный, рабочий...* и под. К категориям вышестоящего уровня относятся результаты определенных обобщений, к которым неприменимы операции категорий базового уровня. Так, например, как пишут когнитивисты, невозможно представить себе *мебель* иначе, как *стол, стул* или *диван*, и действия, производимые с *мебелью*, явно отличаются от действий, которые мы осуществляем со *стулом, столом* или *диваном*. См.: «У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т. д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т. д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно. У нас, далее, нет моторных действий для взаимодействия с мебелью вообще, которые бы не были моторными действиями для взаимодействия с определенными объектами базового уровня – стульями, столами, кроватями и т. д. Однако вышестоящие категории имеют другие антропоцентричные свойства – такие, как цели и функции» [Лакофф 2004: 73-74] (кстати, в этой цитируемой работе Дж. Лакоффа представлено достаточно подробное изложение взглядов когнитивистов). Покажу это на конкретных примерах. Ср.: *С ветки слетела птица – С ветки слетела ворона; Мне нужна новая мебель – Мне нужен новый стол – Мне нужен новый обеденный стол; У меня в доме живет (млекопитающее) животное (семейства псовых) – У меня в доме живет*

более широким значением – *дерево* (а *дерево*, кстати, одна из категорий базового уровня), т. е. слово в детском сознании обретает еще один уровень абстракции. Затем ребенок узнает слово *растение*, которое несет еще более обобщенное значение. (С *растением*, как мне кажется, с точки зрения когнитивных уровней все не так просто. Действительно, слово *растение* имеет – по сравнению с другими только что приведенными словами – наиболее обобщенное значение и, следовательно, может быть признано «именем» категории вышестоящего уровня. Но вместе с тем, для обыденного сознания, как представляется, это – имя категории базового уровня, ибо *растение* удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к таковой.) Другими словами, в данном случае ребенок проходит путь, «обратный» тому, о котором говорят когнитивисты. Однако с другой стороны, ребенок может сразу узнать слово *птичка* (*птица* – категория базового уровня), которое он использует для обозначения всех птиц, и только потом он узнает, что есть разные птицы: *воробей, ворона, синичка* и т. д. (т. е. категории нижестоящего уровня). Очевидно, именно этот путь овладения словом и стоящим за ним «содержанием» и имеют в виду когнитивисты, когда говорят о некоторых дифференциальных признаках категорий базового уровня.

собака – У меня в доме живет такса – У меня в доме живет миниатюрная жесткошерстная такса.

Как же соотносятся категории (единицы) данных уровней с ПОНЯТИЯМИ как ментефактами? Сразу можно предположить, что понятия-ментефакты имеют явную параллель с категориями вышестоящего уровня. И это действительно так: и те, и другие единицы являются результатом генерализации поступающей извне информации, относящейся к одному «классу» феноменов. Однако под определение понятий в нашем понимании (представленном чуть ранее) подпадают и некоторые категории базового уровня, такие, как, например, вышеупомянутые *птица* или *собака*⁵. Что касается возможности «легко представить» категорию базового уровня, о которой (возможности) говорят когнитивисты и которую причисляют к дифференциальным признакам данной категории, то, как представляется, данная образность относится не столько к самой категории базового уровня как таковой, сколько к ее прототипу – наилучшему примеру данной категории. Ведь представляя, например, *птицу* или *собаку*, мы представляем себе не *птицу* «вообще» и не *собаку* «вообще», а некую вполне определенную картинку, связанную с нашим прижизненным опытом (как индивидуальным, так и социальным). Данная ментальная картинка рассматривается в рамках нашей концепции как стереотип-представление, т. е. как репрезентант совершенно иного КЛАССА ментефактов – ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (о такого рода взаимопроникновениях мы уже упоминали, рассуждая о ЗНАНИЯХ). Вместе с тем (опять же забегая несколько вперед) замечу, что сама «идея» *птицы* или *собаки* «вообще» – как совокупность дифференциальных признаков представителя определенного класса предметов – может формировать то, что в рамках нашей концепции определяется как КОГНИТИВНАЯ ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ, рассмотрение которой нам тоже еще только предстоит.

Кроме того, как категории базового уровня когнитивистами рассматриваются также и другие феномены, причисляемые нами в силу их специфики и определенных дифференциальных черт к иным КЛАССАМ ментефактов. Так, как категории базового уровня рассматриваются, например, «категория *ложь*» [Лакофф 2004: 103-107] (КОНЦЕПТ) и «стереотип *холостяка*» [Там же: 102-103, 121] (СТЕРЕОТИПЫ – ВИД ПРЕДСТАВЛЕНИЙ). Впрочем, для когнитивистов «социальные стереотипы могут представлять категорию в целом» [Там же: 121]. В целом, одно из требований, которым должны соответствовать категории базового уровня, чтобы считаться базовыми («категории базового уровня являются базовыми в следующих четырех отношениях»), формулирует-

⁵ Может возникнуть вполне резонный вопрос: а почему эти единицы рассматриваются именно как понятия? Вопрос не самый простой и требующий отдельного разговора.

ся следующим образом: «Восприятие: Целостно воспринимаемый внешний вид; единый ментальный образ; быстрая идентификация» [Там же: 72]. Однако, на мой взгляд, это сущностная характеристика опять-таки скорее СТЕРЕОТИПА, нежели ПОНЯТИЯ.

Таким образом, как бы не казалось правильным провести параллель между категориями базового уровня, выделяемыми когнитивистами, и «нашими» ПОНЯТИЯМИ, сделать это не просто затруднительно, но практически невозможно (что я и попыталась обосновать в предыдущих абзацах).

Итак, ПОНЯТИЯ как КЛАСС ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат ОСМЫСЛЕНИЯ;
2. результат осмысления РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО;
3. СКЛАДЫВАЮТСЯ;
4. формируются в процессе ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА;
5. принадлежат ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ (обладая «инвариантной частью»), являющейся «общим компонентом сознания»;
6. ЛИШЕНЫ ЭМОТИВНОСТИ, АКСИОЛОГИЧНОСТИ, ОЦЕНОЧНОСТИ;
7. могут включать в себя КОГНИТИВНУЮ ОБРАЗНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ;
8. как таковые КУЛЬТУРОНЕЗАВИСИМЫ, КУЛЬТУРОЙ ОБУСЛОВЛИВАЕТСЯ только сам факт наличия / отсутствия определенного понятия в культуре.

3. КОНЦЕПТЫ

Если исходить из того, что КОНЦЕПТЫ суть понятия, погруженные в культуру (по идее Н.Д. Арутюновой), то окажется, что концепты со всей очевидностью весьма близки понятиям. И действительно, на логико-рациональном уровне ПОНЯТИЯ и КОНЦЕПТЫ обнаруживают ряд общих черт, поскольку являются результатом осмысления и концептуализации окружающего мира. Вместе с тем уже на этом уровне представляется возможным выявить и определенные расхождения между понятиями и концептами: так, первые с большей вероятностью позволяют обнаружить внутри себя и выявлять различные классы, роды, виды, подвиды и под.; вторые же *en mass* менее «склонны» к подобному дроблению. На аксиологическом, эмоциональном уровне КОНЦЕПТЫ принципиально расходятся с понятиями и сближаются с ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ, поскольку всегда обладают эмотивностью, обязательно включают в себя оценки, коннотации, имеют собственную аксиологию. Кроме того, КОНЦЕПТЫ, как правило, связаны с духовно-нравственными (значимыми) ценностями культуры (например, судьба,

грех, жизнь, смерть, любовь, воля, власть и под.), что также предопределяет их обязательную аксиологичность.

Исходя из только что сказанного, определим *КОНЦЕПТ* как результат рационально-эмоционального восприятия действительности в условиях определенной культуры. Таким образом, из предложенной дефиниции следует, что у концепта есть *рациональная* (понятийная) составляющая и *эмоциональная* составляющая. Вопрос о том, обладает ли концепт *образностью* (образной составляющей), исследователями решается по-разному. Некоторые ученые считают, что обладает (см., напр., [Чернейко 1997; 2005], а также работы С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.А. Пищальниковой и др.). Так, например, в рамках концепции ведущего специалиста в области изучения концептов – Л.О. Чернейко, у концептов выделяются различные гештальты. А что такое гештальт, если не образ? Далее, эксперименты самой Л.О. Чернейко показывают, что такие концепты, как, например, *судьба, рок, фатум*, носителями русского языка могут быть визуализованы в виде абстрактных рисунков (кстати, используя эту методику, подобные эксперименты проводила и моя дипломница Т.Г. Шишковская с визуализацией концепта *добро* [Шишковская 2010]).

Но в данном случае мы имеем не тот *ОБРАЗ*, о котором мы говорили ранее. Поэтому, с моей точки зрения, *КОНЦЕПТ образности, ингерентно ему присущей, лишен*. Мне могут возразить: а как же быть с концептом *жизнь*, которая (*жизнь*), в том числе, осмысливается как *дорога*, и который (*КОНЦЕПТ*), соответственно, во-первых, имеет этот гештальт, а во-вторых, может быть представлен (воображен) именно таким образом? Кстати, мои многочисленные опросы в самых разных аудиториях (и учебных, и научных) показали, что русские ии. обычно описывают одну и ту же «картинку»: *дорога* – не в городе, не в лесу – среди полей, грунтовая, летняя или осенняя (т. е. пейзаж в зелено-желтых тонах). Что это как не образ в нашем понимании? Все так. Но ведь в данном случае мы имеем описание стереотипа-представления, который именно в данном случае выполняет функцию «маски», которую концепт «надел» на себя. Дело в том, что *жизнь* – это не всегда и не всегда только *дорога* (см. *красивая жизнь, сладкая жизнь, подарить жизнь, поломать жизнь* и под.). Подобную картину мы наблюдаем и тогда, когда рассматриваем другие концепты, например, *смерть*. С одной стороны, *смерть* – старуха в плаще с капюшоном с косой, с другой – *на миру и смерть красна, легкая / тяжелая смерть* и под. Но здесь мы опять подходим к вопросу о границах между разными классами ментефактов, который у нас еще впереди, поэтому отложим его на некоторое время.

Концепт в рамках лингво-когнитивного подхода определяется как «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [Чернейко, Долинский 1996: 39] Ср.: «Языковое сознание раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь через несвободную сочетаемость имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль. Частеречная принадлежность этих слов... свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют характер субстанции, т. е. того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» [Чернейко 1997: 285]. В статье 2005 г. Л.О. Чернейко, один из ведущих специалистов в отечественной когнитивной науке, и в частности – в концептологии, сформулировала следующее понимание концепта: «*КОНЦЕПТ* – это инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение. <...> *КОНЦЕПТ* как когнитивная структура сознания не может не иметь форм объективации. Иными словами, у этой структуры есть как содержание <...>, так и материальная форма. <...> *КОНЦЕПТ* – это имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную). <...> *КОНЦЕПТ* – это реальность познания, а не бытия, реальность эпистемологическая, посредством которой изучается отношение сознания к действительности (видения, понимания, интерпретации), как оно выражено в языке (в его материальной ипостаси – речи)» [Чернейко 2005: 64-66]. Это «вторичная (моделирующая) идеальная сущность» [Там же: 66], «отличительная черта» которой «по сравнению с понятием состоит, по мнению Ю.С. Степанова, в том, что “концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений” [Степанов 2001: 43]» [Там же: 65].

Думается, что теперь *КОНЦЕПТ* может быть определен нами более развернуто и детально (по сравнению с первой нашей дефиницией): это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию идея предмета (в самом широком понимании этого термина), являющаяся результатом определенной когнитивной обработки, обладающая ингерентно присущей ей аксиологией и взятая в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Это своего рода свернутый глубинный «смысл» «предмета», он может разворачиваться при возбуждении, активации семантической (в других терминах – и это

точнее – ассоциативной) сети. *КОНЦЕПТ* обладает *эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по природе своей*, имеет «*имя собственное*», представленное абстрактным существительным (не случайно в работах ведущих ученых, рассматривающих феномен концепт – см. работы Н.Д. Аругюновой, Ю.С. Степанова, Л.О. Чернейко, С.Г. Воркачева, – анализируются, например, *истина* и *ложь, судьба* и *счастье* и под.).

В связи с представлением того понимания концептов, которому я следую в своих рассуждениях о лингвокультуре, представляется необходимым хотя бы коротко остановиться на следующем. Концепты, вступая друг с другом в определенные отношения (*истина – правда, правда – ложь; судьба – доля – участь; кошмар – ужас – страх – боязнь – испуг*⁶ и под.), «переплетаясь» и взаимно проникая друг в друга, накладываясь друг на друга и создавая зоны пересечений и переходов, образуют некий «*концептуальный континуум*». И коль скоро это так, то анализ отдельного, изолированного концепта, даже с учетом разнообразных способов его «вербализации», может оказаться несколько ограниченным (неслучайно, думается, еще недавно наблюдавшийся бум в изучении различных концептов в последнее время пошел на спад; едва ли это связано с тем, что были проанализированы *все* концепты или хотя бы их большая часть). Более целесообразным – в свете концептуального континуума – мне представляется исследование *КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ*, под которым понимается *совокупность ментефактов и определенным образом осмысленных в культуре артефактов* (т. е. культурных квази-предметов и культурных предметов), *объединенных некой общей «идеей»* (см. определение концепта), *относящейся к определенному фрагменту картины мира*. Именем концептуального поля является, как правило, имя его ядерного концепта, например, концептуальное поле *судьба*, концептуальное поле *счастье*, концептуальное поле *война* и т. д. Однако бывают случаи, когда, на мой взгляд, трудно однозначно «поименовать» концептуальное поле. Это имеет место, вероятно, тогда, когда его репрезентантами выступают «сильные» сами по себе и «равные» в этом смысле концепты, обладающие своими собственными «полями», например: *родина – отечество – отчизна*. Думается, что имя такого концептуального поля будет зависеть во многом от произвола исследователя: либо оно будет «составным» (как в приведенном примере), либо тот

⁶ Отмечу, что не все перечисленные единицы являются для меня именами однозначных и равноценных концептов, но я позволила себе привести данный ряд, поскольку указанные единицы (среди прочих лексико-фразеологических средств, номинирующих и описывающих концепт *страх* и различные его проявления) рассматриваются как средства вербализации данного концепта в диссертации С.В. Зайкиной [Зайкина 2007].

из концептов, который исследователь выберет в качестве «базового», основного, и даст свое имя всему концептуальному полю.

Впервые, насколько мне известно, серьезная попытка разработать концептуальное поле на материале концептуального поля *любовь* была предпринята А.В. Тананиной в 2003 году [Тананина 2003], а в 2008 году на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена дипломная работа, в которой разрабатывалось концептуальное поле *судьба* [Мурадова 2008] (см. также уже упоминавшуюся работу Т.Г. Шишковой [Шишковская 2010]). Данные исследования убедительно доказали континуальный характер «концептосферы» (если воспользоваться термином Д.С. Лихачева) как таковой, а исследование О.В. Мурадовой наглядно продемонстрировало, что репрезентантами концептуального поля могут быть феномены принципиально различной природы: собственно лингвистические, лингво-когнитивные, собственно когнитивные и даже экстралингвистические (артефактивные).

И действительно, *КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ* могут представлять феномены самой разной природы: знаки языка, знаки лингвокультуры, знаки культуры. Приведу первоначальную классификацию возможных репрезентантов концептуальных полей, подкрепив ее конкретным материалом (хотя и весьма ограниченным, поскольку не само концептуальное поле находится в фокусе внимания данного исследования – это предмет отдельного и большого разговора). Итак, в роли *репрезентантов* концептуальных полей могут выступать:

I. Различные *ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ*: лексемы, фразеологические единицы, пословицы (я позволю себе не приводить здесь какие-либо примеры, поскольку они вполне очевидны; к тому же в многочисленных работах, в которых так или иначе анализируются концепты, особое место, как правило, отводится именно изучению собственно языковых единиц).

II. Различные *МЕНТЕФАКТЫ*:

1. разнообразные *ЗНАНИЯ* (например, знания о древнегреческой богине *Тюхе* – концептуальное поле *судьба*; или о физиологических проявлениях страха и способах их оязыковления – концептуальное поле *страх*);

2. *ПОНЯТИЯ* (например, понятие *государство*, которое входит в концептуальные поля *власть* и *родина* – *отечество* – *отчизна*);

3. *КОНЦЕПТЫ*, входящие в данное поле (например: ядерный концепт *судьба*, а также входящие в то же концептуальное поле *рок*, *доля*, *участь* и др.; концепт *страх*, ядерный для одноименного концептуального поля, а также входящие в него же *ужас* и *кошмар*);

4. разнообразные *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* (подробнее – см. далее):

1) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ (например, для концептуального поля *судьба – колесо фортуны, мойры / парки, некоторые древнегреческие мифы и трагедии*; или для концептуального поля *любовь – «ядерные» Ромео и Джульетта*, а для концептуального поля *ложь – «периферийный» Хлестаков*; и т. д.);

2) СТЕРЕОТИПЫ (см., например, уже упоминавшиеся нами концепт *жизнь*, который осмысливается в русской лингвокультуре как *дорога*, представляющая как стереотипный образ, или русский стереотипный образ *смерти* – страшная старуха с косой, являющийся одной из «масок» для ядерного концепта одноименного концептуального поля);

3) ДУХИ (например, для концептуального поля *дом – домовый*);

4) АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО МИРА (например, для концептуальных полей *жизнь и смерть – живая и мертвая вода*).

III. Различные АРТЕФАКТЫ и ПРИРОДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ЯВЛЕНИЯ (например, для концептуального поля *счастье – северорусская деревянная птица счастья, радуга, крылья* и под.; для концептуального поля *власть – выступающие в качестве ее символов рука, посох*, принадлежащий правителю или иерарху церкви, *скипетр и держава* и т. д.).

Таким образом, можно утверждать, что *КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ* обладают многослойной, правильнее сказать – многомерной, структурой и предполагают многоуровневый, многоступенчатый, комплексный анализ, что обусловливается онтологическим разнообразием феноменов, выступающих в роли репрезентантов самих концептуальных полей.

Из только что сказанного следует вполне закономерный вывод: анализируя *КОНЦЕПТЫ* как особый класс ментефактов, мы не можем игнорировать континуальный характер образуемого ими (концептами) «пространства» и должны рассматривать их (концепты) как репрезентанты соответствующих *КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ*.

Итак, *КОНЦЕПТЫ* как *КЛАСС* ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат *ВОСПРИЯТИЯ*;
2. результат восприятия *РАЦИОНАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО*;
3. *СКЛАДЫВАЮТСЯ*;
4. формируются в процессе *ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА*;
5. принадлежат как *ИНДИВИДУАЛЬНОМУ*, так и *ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ* (так же как и понятия, но в меньшей степени, обладая «инвариантной частью», являющейся «общим компонентом сознания»);
6. обладают *ЭМОТИВНОСТЬЮ, АКСИОЛОГИЧНОСТЬЮ, ОЦЕНОЧНОСТЬЮ*;
7. *ЛИШЕНЫ* ингерентно им присущей *ОБРАЗНОСТИ*;

8. всегда *КУЛЬТУРОЗАВИСИМЫ* и *КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫ*.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Предлагаемое понимание *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* как *КЛАССА* менте-фактов базируется на взглядах ученых, работавших в разных областях научного знания: психологии, психолингвистики, антропологии. Так, А.М. Шахнарович и Н.М. Юрьева определяют представление как «субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально» [Шахнарович, Юрьева 1990: 23]. Такое понимание представлений соотносимо с понятием *itago*, «наглядных представлений», о котором пишет С. Московичи [Московичи, 1998-а: 355]. Рассматривая коллективные представления, играющие основную роль в мифологическом мышлении «примитивных народов» [Леви-Брюль 1994], Л. Леви-Брюль выделяет следующие их черты: крайняя эмоциональная интенсивность; нечувствительность к логическим противоречиям; непроницаемость для объективного опыта; мистическое содержание; наличие своих собственных законов, главным из которых является закон партиципации (отмечу, что эти черты в целом не утратили своей актуальности и в не меньшей степени характерны для представлений современного человека – *Homo sapiens* начала XXI века).

Достаточно очевидным для многих исследователей представляется тот факт, что представления могут быть как *индивидуальными*, так и *коллективными* (социальными) (см. работы, например, Э. Дюркгейма, С. Московичи, М.Л. Макарова и др.). Как уже отмечалось, в рамках настоящего исследования нас интересуют в первую очередь коллективные представления, которые являются общими для представителей определенного лингвокультурного сообщества, не зависят от бытия отдельного человека и транслируются из поколения в поколение, как пишет Л. Леви-Брюль, «навязывая себя личности», становясь «продуктом не рассуждения, а веры» [Леви-Брюль 1994: 20].

В этом – в *параллельном существовании индивидуальных и коллективных представлений*, с одной стороны, отличие от *КОНЦЕПТОВ* и *ПОНЯТИЙ*: представления могут различаться, могут быть и такими, и такими (индивидуальные vs. коллективные), *КОНЦЕПТ* же – и индивидуален и коллективен, подобно *ПОНЯТИЯМ*, но в отличие от последних в большей степени индивидуален в силу эмотивности и проч.; с другой – принципиальное отличие от *ЗНАНИЙ*, которые всегда коллективны.

Учитывая только что сказанное, позволю себе сформулировать следующее определение: *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* суть результат субъективного, эмоционально-образного восприятия феноменов действительности в условиях определенной культуры (принимаемой широко – как совокупность мира Действительное и мира

Идеальное, если воспользоваться словами А. Вежицкой [Вежицкая 1996]). Из этого следует, что дифференциальными признаками *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* как *КЛАССА* ментефактов являются *образность, субъективность, эмотивность и оценочность* (последние два признака сближают *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* и *КОНЦЕПТЫ*). Помимо этого, следует отметить такой важный признак данного класса ментефактов, как *функциональная компенсаторность*, связанная с тем, что, говоря словами С. Московичи, «они дают эффект присутствия отсутствующему, упрощая его черты» [Московичи, 1998-а: 355]. Более частные признаки: *недискретность образов, некритичность восприятия, однозначность и субъективность оценок* (или «хорошо», или «плохо», никаких «золотых середин» и аналитичности восприятия); для *коллективных* представлений крайне важна их *значимость в социальном плане*.

Итак, *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* как *КЛАСС* ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат *ВОСПРИЯТИЯ*;
2. результат восприятия *ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОГО*;
3. *СКЛАДЫВАЮТСЯ*;
4. формируются в процессе *ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА*;
5. могут быть либо *ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ*, либо *КОЛЛЕКТИВНЫМИ*;
6. принадлежат *ИНДИВИДУАЛЬНОМУ* и/или *ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ*;
7. обладают *ЭМОТИВНОСТЬЮ, АКСИОЛОГИЧНОСТЬЮ, ОЦЕНОЧНОСТЬЮ*;
8. обладают ингерентно им присущей *ОБРАЗНОСТЬЮ*;
9. всегда *КУЛЬТУРОЗАВИСИМЫ* и *КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫ*.

И прежде чем перейти к рассмотрению различных *ВИДОВ* представлений, последнее замечание общего характера. «Представления» – это видовое «имя» феноменов, которые могут анализироваться только как какой-либо конкретный *ВИД* феномена, выступающего в виде конкретной реализации (аналогично, например, фонемам в лингвистике или «вышестоящим категориям» в когнитивистике). На сегодняшний день выявлены четыре *ВИДА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*: (1) *ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ*; (2) *АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО / ВИРТУАЛЬНОГО МИРА*; (3) *ДУХИ*; и (4) *СТЕРЕОТИПЫ*.

Из всех выявленных на сегодня видов представлений в данной статье я остановлюсь подробнее только на прецедентных феноменах, поскольку они, во-первых, лучше изучены, во-вторых, являются весьма показательными, поскольку в них в полной мере воплощены основные дифференциальные признаки представлений как ментефактов.

4.1. Прецедентные феномены

Традиционно (как теперь уже можно, вероятно, говорить) ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН (ПФ) описывается в научной литературе как такой феномен, который:

1) имеет *«сверхличностный характер»*, т. е. известен любому представителю данного национально-лингво-культурного сообщества (поскольку в данном случае речь идет о лингвокультуре как таковой, то имеются в виду *национально-прецедентные феномены* и, соответственно, носители данного языка и представители данной культуры),

2) обладает *инвариантом восприятия* (т. е. актуален в когнитивном и эмоциональном планах);

3) *апелляции* к которому, как правило, частотно *возобновляются* в дискурсе.

Такое понимание ПФ восходит к предложенному Ю.Н. Карауловым и ставшему уже классическим пониманию прецедентного текста [Караулов 1987].

Никоим образом не подвергая сомнению данную трактовку прецедентного феномена (тем более, что я принимала самое непосредственное участие в ее разработке⁷ и не собираюсь отказываться ни от одного сказанного мною по этому поводу слова), не могу не отметить, что она имеет несколько слабых мест. Во-первых, как абсолютно точно заметила в процессе личного общения В.Н. Телия, предложенная формулировка крайне широка, поскольку данным требованиям удовлетворяют не только собственно прецедентные феномены (прецедентные ситуации, тексты, имена и высказывания), но и практически все единицы лингвокультуры и даже собственно лингвистические единицы (например, фразеологизмы), если их рассматривать (опять же) в рамках лингвокультурологического подхода. И с этим трудно не согласиться. Во-вторых, пункты (1-3) не столько содержат собственно *дефиницию* ПФ, сколько указывают на их (предположительно) *дифференциальные признаки*. При этом, как показывает продолжающееся исследование, главным (если угодно, «основополагающим») из данных признаков является *второй* (наличие инварианта восприятия); *первый* признак (сверхличностный характер) однозначно обязателен для ПФ, но едва он может считаться собственно дифференциальным – отличающим данный феномен от других (так, например, он в не меньшей, думаю, степени актуален для идиом); последний же, *третий*, признак (постоянная возобновляемость в дискурсе) по сути

⁷ Концепция была разработана научным семинаром филологического факультета МГУ «Текст и коммуникация» (Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных; см. совместные и авторские работы указанных исследователей). Сегодня в научной литературе можно найти немало работ (от статей до диссертационных изысканий), посвященных различным типам ПФ (см., напр., [Банникова 2004; Завьялова 2007; Сергеева 2005; Смыкунова 2003] и др.).

обязателен только для одного вида прецедентных феноменов – прецедентных высказываний, но при этом крайне важен для феноменов принципиально иной природы (тех же фразеологизмов, к примеру), что также весьма затрудняет признание за ним статуса дифференциального признака именно ПФ как таковых.

В свете всего только что сказанного встает совершенно очевидная необходимость попытаться сформулировать *определение* прецедентного феномена, что я и попытаюсь сейчас сделать. Итак, ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена в условиях определенной культуры. Из предложенной дефиниции необходимо вытекает, что ПФ:

- 1) носит *сверхличностный* характер, т. е. является общим для – как минимум – двух представителей национально-лингво-культурного⁸ сообщества;
- 2) обладает *эмотивностью*, т. е. связан с эмоциями и оценками, и, следовательно, *аксиологичен* по природе своей;
- 3) обладает *образностью*;
- 4) формируется *на основе восприятия*;
- 5) имеет своим «источником» *единичный, уникальный феномен*.

Данные положения требуют некоторых комментариев. Совершенно очевидно, что первое положение совпадает с первым из приведенных ранее признаков ПФ и касается «внешней стороны» функционирования ПФ – «ареала его обитания» (ПФ *всегда* принадлежит *общественному сознанию – sic!*). Второе и третье положения (эмотивность / оценочность / аксиологичность и образность) касаются онтологии ПФ: в соответствии с ними ПФ предстает как *эмоционально-образная «свертка», сложный образ, необходимо включающий в себя в том числе и оценки, предопределяемые иерархией ценностей культуры*; по сути данный образ и есть *ИНВАРИАНТ ВОСПРИЯТИЯ* ПФ (второй признак из приведенных ранее). *Потеря феноменом данного образа – ИНВАРИАНТА ВОСПРИЯТИЯ, означает потерю собственно прецедентности*. Если это происходит, то феномен просто вытесняется за пределы системы ПФ и (1) либо уходит совсем, (2) либо сохраняется как элемент знаний (*Что*

⁸ Как я уже отмечала, в данном случае мы обсуждаем феномены именно этого «уровня», однако представленное определение «работает» и на уровне ККП (социумно-прецедентных феноменов), и на уровне гипотетической «универсальной» КБ, «универсального» культурного пространства (общих для ряда культур феноменов, предположительно «универсальных» ПФ). Но тогда следует говорить не о *национально-лингво-культурном* сообществе, а о *лингво-культурном* сообществе.

тетушка? Все девушкой? Минервой? А.С. Грибоедов), (3) либо – в случае прецедентных имен и высказываний, т. е. ПФ, имеющих строго фиксированную форму, – переходит в число собственно языковых единиц (в лексический состав языка в качестве имен нарицательных: хулиган, хам, меценат, спонсор и под.; или во фразеологический фонд: умывать руки, в мгновение ока, заблудшая овца и т. д.). Иначе говоря, при потере инварианта восприятия ПФ в любом случае перестает существовать как собственно прецедентный феномен.

Основы формирования ПФ закладывает личностное восприятие либо самого конкретного феномена-источника, либо контекстов (в самом широком смысле: музыкальных, архитектурных, живописных и под., но чаще – вербальных), в которых данный феномен-источник фигурирует. Однако в силу своего «общественного» характера окончательно ПФ формируется в процессе межличностного общения (как непосредственного, так и опосредованного, дистанцированного во времени и пространстве). Такая «поэтапность»⁹ (*личностное восприятие – индивидуальное представление – коллективное представление – инвариант восприятия*) характерна для появления и кристаллизации ПФ и в культуре как таковой, и в онтогенезе отдельной личности.

В основе ПФ всегда лежит *единичный, единственный, уникальный феномен*. И это принципиально отличает ПФ как от других ВИДОВ представлений, так и от других *КЛАССОВ* ментефактов.

Именно от этого уникального феномена-источника вербализованные ПФ наследуют свое «имя». Именно поэтому, если у ПФ есть «имя», то это всегда имя собственное, которое одновременно является и именем собственным феномена-источника. При этом «прямое значение» такого имени (когда оно называет феномен-источник) связано со *ЗНАНИЯМИ*, «непрямое» – с *ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ*, а именно: с *ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ* (в нижеприводимых примерах – прецедентными именами и прецедентными ситуациями; в первых примерах представлены случаи употребления имени *Плюшкин* в «прямом значении» и как ПФ, различные употребления разделены знаком \Leftrightarrow ; в остальных случаях я позволила себе привести примеры только на собственно ПФ):

⁹ Я не случайно взяла это слово в кавычки, т. к. речь не идет о собственно «этапах» в прямом смысле этого слова: во-первых, здесь нет и не может быть жестко заданной их последовательности и жестких границ между ними, во-вторых, возможно параллельное их сосуществование. Однако определенная последовательность в формировании ПФ все же прослеживается.

Плюшкин – один из персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Образцом для подражания он мог выбрать кого угодно, но только не гоголевского **Плюшкина**. (реч.)

⇔

– Гляди, – сунула инспекторша в руки карточку, – любуйся и больше никогда не спорь со старшими. Скажи спасибо, что все документы, как **Плюшкин**, храню. Вот умру, придет новая завканцелярией, живо весь хлам к черту выкинет! А у меня рука не поднимется, всех ведь помню как родных! *Д. Донцова, Вынос тела.*

... они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрусталя. Муза, как **Плюшкин**, скупала комиссионки и тащила все в свое новое жилище. *МК, 16.03.2001.*

Для будущих энциклопедий: Александр Петлюра – король помоек, барахолок, мусорных дел мастер, современный **Плюшкин**. <...>

– А лошадь-то тебе зачем?
– Да, – машет рукой, – театр “Эрмитаж” реквизит списывал, я и забрал.

Вот он весь в этом. Натуральный **Плюшкин**. Залежи фуфаек, отдельные коллекции крепдешиновых платьев, тубетеек, среднеазиатских халатов. *МК, 24.02.2001.*

Однажды утром Катя решила навести марафет в запущенной холостяцкой квартире, добрую половину которой занимал ненужный хлам.

– Ты же настоящий **Плюшкин**, – весело объявила она пришедшему под вечер мужу и указала на гору старого барахла, сложенную в прихожей. – Пойдем отнесем все это на помойку. *МК, 17.03.2001.*

[Ситуация в России после реформ Александра I: наступление реакции и подавления инакомыслия.] И вернулся кошмар. **Молчалины**, которые за время реформ успели стать **Чацкими**... да и некоторые **Репетиловы** к ним примкнули... вернулись в свое молчалинство. Но кто бросит в них камень? *т/п: Э.Радзинский, Роковые минуты истории.*

С работой, которую нельзя доверить компьютеру, справится талантливый «скульптор» в белом халате – этакий **Микеланджело** от стоматологии. *МКБ, № 15, 2000.*

Изо всех сил муссировались просочившиеся в печать подробности: прибалтийский след обнаруженного на месте преступления карабина, женщина в черном, открыто интересовавшаяся у водителя, кого он ждет (прямо **Фанни Каплан** какая-то) <...>. *Ю. Дубов, Большая пайка.*

Может быть, есть хоть какая-то возможность отказаться от столь почетного задания? Сейчас ведь не **тридцать седьмой год**. Не расстреляют же меня, в конце-то концов! *Г. Куликова, Пенсне для слепой курицы.*

– У нас не **тридцать седьмой год** – по одному подозрению не расстреливают, – решила Митрофанова. – Значит, и паниковать нечего. Все образуется. *Литвиновы, Коллекция страхов прет-а-порте.*

– Вы тут ерундой не занимайтесь, – начал злиться Сеня, – везите их в отделение.

– Момент, господа, – расцвел я в улыбке, – на дворе не **тридцать седьмой год!** Где санкция прокурора? В чем меня обвиняют? Просто так схватить человека нельзя. *Д. Донцова, Продюсер козьей морды.*

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к **1937 году**. *Е. Примаков, Восемь месяцев плюс...*

Все выборное действо со стороны напоминало эдакий **совет в Филях**, только с некоторым налетом самоиронии. *МК, 19.10.2002.*

Данная связь между ПФ и его «источником» сохраняется, даже если написание имени видоизменяется, например, пишется то с прописной, то со строчной буквы, или составное имя пишется слитно¹⁰. Следует отметить, что такого рода изменения в написании, особенно закрепленные в повседневной практике, могут свидетельствовать об ослаблении «прецедентности» и дрейфе ПФ к периферии системы (как в случае с *Пинкертоном* и, пожалуй, *Варфоломеевской ночью*). Но в данном случае я постаралась в основном привести в качестве примеров те феномены, которые в общем и целом сохраняют сегодня свою «прецедентность» (в первом примере также представлены случаи употребления имени *Дон Жуан* в «прямом» значении и как ПФ; различные употребления разделены знаком \Leftrightarrow ; в остальных случаях я позволила себе привести примеры только на собственно ПФ):

Дон Жуан – один из героев «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

\Leftrightarrow

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. <...> Ей объяснялся в любви самый блестящий **донжуан** Франции – принц Лозен. И граф Алексей Орлов, самый блестящий **донжуан** России... *Э. Радзинский, Княжна Тараканова.*

А в детстве мы все гении, маленькие **Эйнштейны**. *МК, 24.01.04.*

К примеру, широко распространяется стереотипное отношение к ученым и особенно академикам – мол, это такие очень заслуженные и

¹⁰ См., напр., *Дон Кихот / дон Кихот / дон кихот / донкихот* и производные *донкихотский, донкихотствовать, по-донкихотски; Баба Яга / Баба-Яга / баба яга*, а также *бабки-ежкин* (поскольку *бабки ежки* – мн.ч.) и др.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. – Вып. 45. – 92 с. ISBN 978-5-317-04330-8

умные люди, **эйнштейны**, энтузиасты науки и бессребреники. *МК, 24.03.2001.*

Она [американка-хозяйка отеля] всегда верила – у каждого народа найдутся свои **эдисоны** и **маркони**. *О. Андреев, Отель.*

Американский врач-реаниматолог Раймонд Моуди за три десятка лет, похоже, приучил человечество к мысли, что остановка сердца и отключение мозга – еще отнюдь не конец. <...> Однако сторонники материализма игнорировали важнейшие нюансы из эмпирики Раймонда Моуди, Элизабет Кублер-Росс и других **колумбов** предсмертья. *МК, 10.01.2005.*

Злость на Леху постепенно проходила. Рано или поздно он заявится – не буду же я сидеть здесь вечно. А когда он заявится, я устрою ему **Варфоломеевскую ночь**. А потом, когда лимит на гугенотов будет полностью исчерпан, дам ему овладеть собой... *В. Платова, Купель дьявола.*

Домчавшись до метро, я рухнула на скамейку и перевела дух. «Арт-Мо» работает допоздна, можно прямо сейчас поехать к предприимчивой Маше Говоровой и устроить той **варфоломеевскую ночь**. <...> Сдается мне, что Говорова, во-первых, знает, кто убил Лену... Во-вторых, Машенька в курсе того, кто взял деньги... *Д. Донцова, Домик тетушки лжи.*

Собственно говоря, в этой связи ПФ и его «источника» и скрыта, как мне кажется, одна из специфических черт ПФ, отличающих их, в частности, от собственно языковых единиц: при использовании имени такого феномена в «прямом» значении мы всегда имеем дело с именем собственным конкретного лица, произведения, события и под. Кстати, именно так, как мне представляется, мы можем обнаружить следы прецедентности в том случае, если сама единица уже перешла (или переходит) в разряд имен нарицательных. Попробую показать это на конкретных примерах.

Возьмем за исходную точку следующий постулат: *имена нарицательные* служат для идентификации конкретного предмета как принадлежащего классу; *имена собственные* – для именованя / идентификации конкретного, уникального предмета (класса в данном случае нет; вспомним в связи с этим знаменитый пример с *Fido* и “*fidoness*”); *имена прецедентных феноменов* (собственно прецедентные имена, имена прецедентных ситуаций и текстов) – для именованя / идентификации конкретного, уникального предмета (тогда это – имена собственные) или для идентификации другого предмета как сопоставимого с данным, конкретным, уникальным (тогда это – ПФ) (об именах собственных писалось очень много, немало работ уже и по прецедентным именам; подробнее см. работы А.В. Суперанской – об имени

собственном, Д.Б. Гудкова – о ПИ). Как известно, выявить прецедентность (изначально имени собственного) проще всего с помощью местоимений *наш, ваш, этот* и под., прилагательных *новый, современный* и под., конструкций типа *наших дней, нашего века* и под., отождествительных, сопоставительно-противительных конструкций и т. д. (мн.ч. мы в данном случае не рассматриваем, т. к. там наблюдается явная тенденция к нарицательности, поэтому, кстати, имена в форме мн.ч. часто пишутся со строчной буквы: *эйштейны, ломоносовы, суворовы*; даже *эдисоны* и *маркони*, которых трудно однозначно отнести к собственно ПФ – к тем ПФ, о которых мы говорим сейчас). Ср.:

Это **Обломов**, а не **Штольц**.

Это наш **Обломов** (а не **Штольц**).

Россия – страна сложная... страна не колбасная. Это не страна **Штольца**... Не страна **Обломова** – это точно. Но и не страна **Штольца**... (Э. Радзинский в т/н «Итоги. Ночной разговор», 07.02.1999)

– **Гордон** – конкретный пример **Обломова**. **Обломова перестройки... он перестроил душу...**

– Да я **Штольц** скорее, чем **Обломов**. (т/н «Вместе», 10.03.2000)

Это **Лев Толстой**, а не Достоевский.

Это наш **Лев Толстой**. / Это новый **Лев Толстой**. / Это **Лев Толстой** нашего времени.

– И зачем только приезжают эти русские? Все пишут и пишут, будто у нас посмотреть нечего.

– Тоже мне **Львы Толстые**. (Реклама SMS в роуминге, 2010)

Это **Ватерлоо**; Это **Ватерлоо**, а не **Бородино**.

Это наше /новое **Ватерлоо** (а не **Бородино**).

Это наше **Ватерлоо**, а не победа.

Это «**Война и мир**», а не «Анна Каренина».

Этот роман – «**Война и мир**» XX века.

– Ты говорил небольшое произведение, а это «**Война и мир**» просто.

Но для нас в данном случае гораздо больший интерес представляет не то, чем отличаются имена ПФ от имен собственных или нарицательных, а то, *где проходит граница прецедентности*, чем различаются собственно ПФ и феномены, утратившие статус таковых,

например, в чем разница между *ловеласом* и *Дон Жуаном*¹¹, *пинкертоном* и *Шерлоком Холмсом*, т. е. сохранили ли след прецедентности имена *ловелас* и *пинкертон* и если да, то где он, где его можно увидеть. Итак, попробуем обнаружить, если он есть, след прецедентности.

Представим себе возможные ответы на вопросы: «Кто такой Дон Жуан / ловелас?» и «Кто такой дамский угодник¹²?» (1) / «Кто дамский угодник?» (2)

Дон Жуан	ловелас
Дон Жуан – это дамский угодник. <i>семантизация</i>	Ловелас – это дамский угодник. <i>семантизация</i>
Дон Жуан – это ловелас. <i>семантизация</i>	Ловелас – это Дон Жуан. <i>иллюстрация</i>
Дон Жуан – это испанский ловелас. <i>семантизация</i>	*Ловелас – это английский Дон Жуан. <i>невозможно</i>
(1) *Дамский угодник – это Дон Жуан. <i>невозможно</i>	(1) Дамский угодник – это ловелас. <i>семантизация</i>
(2) Дамский угодник – это Дон Жуан. <i>иллюстрация</i>	(2) *Дамский угодник – это ловелас. <i>невозможно</i>

¹¹ Правильнее было бы, конечно, писать «*доном Жуаном*», но, как мы уже говорили, ПИ позволяет подобные «метаморфозы» написания. Более того, современное написание этого имени имеет множество вариантов: *Дон Жуан, дон Жуан, дон жуан, даже донжуан*. Кстати, отмечу, что компьютерный редактор старается исправить и всячески выделяет как ошибку написание имени дона с маленькой буквы (если пишется в два слова: *дон жуан*), но при этом воспринимает как само собой разумеющееся написание этого имени с маленькой буквы в одно слово – *донжуан*. Думается, что неизменяемость первой части составного имени – тоже одно из свидетельств в пользу прецедентности имени; см.: *Так же может оправдаться и обычный грабитель: "Я же бью кирпичом по голове только богатых, которые награбили деньги у народа!" Такие современные робин гуды... МК, 26.03.2003.*

¹² Проведенный лингвистический эксперимент показал, что в данном случае может использоваться и семантизация 'соблазнитель женщин' (предлагаемая толковыми словарями на единицу *ловелас*), но мы выбрали 'дамский угодник' как вариант с более широкой семантикой и меньшей негативной оценочностью. В ряде контекстов вполне допустим и вариант 'бабник', однако он обладает стилистической маркированностью и несет значительную негативную оценку, в силу чего он в большей степени подходит для контекстов с *ловеласом* и смазывает картину в контекстах с *Дон Жуаном*. Таким образом, выбранный нами вариант является наиболее нейтральным, наиболее широким и предстает как общая «сема» *ловеласа* и *Дон Жуана*.

Дон Жуан в данном случае может рассматриваться и как имя собственное, и как прецедентное имя (столь короткие контексты это позволяют), а *ловелас* – как имя нарицательное: во-первых, выделенные светло-серым примеры показывают, что дамский угодник и ловелас «работают» одинаково, во-вторых, выделенные темно-серым примеры свидетельствуют о том, что *ловелас* на уровне КБ не может использоваться ни как имя собственное, ни как прецедентное (хотя это и нельзя полностью исключить на уровне отдельных ККП).

Посмотрим, как эти единицы (*Дон Жуан* и *ловелас*) употребляются в текстах и возможны ли их взаимозамены.

Великий террорист Леонид Красин... Блестящий инженер, красавец, прославившийся успехами у женщин. Но главной страстью этого **донжуана** были бомбы. Бомбы для революции. Э. Радзинский, *Сталин*.

Надеюсь, на жизненном пути ей не встретится еще один богатый и влюбчивый идиот. Да, эту историю следует отпечатать и повесить на дверях загса, чтобы престарелые **донжуаны** знали, чем рискуют, меняя прежних жен на молодых и прекрасных. Д. Донцова, *Бассейн с крокодилами*.

Почему-то на этой встрече Димочке пришло в голову, что скальп Маруси Сурковой, бывшей отличницы, тихони и даже не синего, а «серого чулка», отлично украсит его коллекцию женских скальпов, собранную за солидную **донжуанскую** практику. Т. Устинова, *Большое зло и мелкие пакости*.

Сколько же всего было женщин, которых связывали с Чеховым амурно-романтические отношения? В **донжуанском** списке писателя довольно дам. МК, 09.02.2002.

Значит, я не ошиблась. Эдик попросту бабник, **ловелас**, обманул навную Кирку. Д. Донцова, *Любимые забавы папы Карло*.

– А, – засмеялась тетка, – он у нас дамский угодник, **ловелас**, все хочет казаться помоложе. Одевается прямо как студент, никакой солидности. Ну девушки и мрут от восторга. Д. Донцова, *Дама с коготками*.

Если проанализировать данные контексты, то можно увидеть, что взаимозамены в них практически невозможны. За исключением, пожалуй, только последнего примера на *ловеласа*, где добавление образности *Дон Жуана* не меняет общего «смысла» текста. Во всех остальных случаях эта образность либо необходима (примеры с *Дон Жуаном*), либо (в примерах с *ловеласом*) избыточна и добавляет оттенки, которых в изначальном тексте нет.

А теперь представим себе возможные ответы на вопросы: «Кто такой Шерлок Холмс / пинкертон?» и «Кто такой сыщик?» (1) / «Кто сыщик?» (2)

Шерлок Холмс	пинкертон
Шерлок Холмс – это сыщик. <i>семантизация</i>	Пинкертон – это сыщик. <i>семантизация</i>
*Шерлок Холмс – это пинкертон. <i>невозможно</i>	*Пинкертон – это Шерлок Холмс. <i>невозможно</i>
Шерлок Холмс – это английский пинкертон. <i>семантизация</i>	Пинкертон – это американский Шерлок Холмс. <i>семантизация (ИС; С-ПИ)</i>
(1) *Сыщик – это Шерлок Холмс. <i>невозможно</i>	(1) *Сыщик – это пинкертон. <i>невозможно</i>
(2) Сыщик – это Шерлок Холмс. <i>иллюстрация</i>	(2) *Сыщик – это Пинкертон. <i>невозможно</i>

В данном случае имя *Шерлок Холмс* также может рассматриваться и как имя собственное, и как имя прецедентное (в силу краткости контекстов), а вот имя *пинкертон* заслуживает отдельного разговора.

Во-первых, с одной стороны, случаи семантизации показывают, что это имя «работает» как нарицательное, с другой – невозможность второго контекста (**Пинкертон – это Шерлок Холмс*) свидетельствует, что *Шерлок Холмс* не может служить примером (иллюстрацией) *пинкертона*, хотя легко это делает по отношению к *сыщику*. *Пинкертон*, в свою очередь, не может семантизировать *Шерлока Холмса* (**Шерлок Холмс – это пинкертон*), а вот *сыщик* для этого прекрасно подходит. Кроме того, пример (помечен темно-серым) с цифрой (1) также говорит о том, что *пинкертон* и *сыщик* не столь взаимозаменяемы, как только что рассмотренные *ловелас* и *дамский угодник* (ср.: *ловелас – это дамский угодник* и *дамский угодник – это ловелас*; *пинкертон – это сыщик*, но **сыщик – это пинкертон*). Иначе говоря, здесь мы находим определенное отличие *пинкертона* от «нарицательного» *сыщика*.

Во-вторых, возможность семантизации *Пинкертона* через *Шерлока Холмса* (самый темный блок) доказывает реальную возможность использования этого имени как имени собственного (ИС) и, возможно, социумно-прецедентного (С-ПИ).

В-третьих, невозможность использовать имя *пинкертон* в определенных контекстах (темно-серый блок с цифрой 2) доказывает, что оно едва ли является именем собственным или прецедентным, т. к. *пинкертон* не может служить примером (иллюстрацией) *сыщика*.

Таким образом, можно утверждать, что *пинкертон* утратил свою прецедентность подобно *ловеласу*, но в отличие от последнего сохранил определенный ее след. Подтверждением утраты прецедентности (образности, инварианта восприятия) служат также, на мой взгляд, следующие примеры: *пинкертон в юбке* = ‘женщина-сыщик’ ≠ *Шерлок Холмс в юбке* (не просто женщина-сыщик, а женщина-сыщик, обладающая определенным набором качеств, способностей, привычек и т. д.); *Пуаро – бельгийский пинкертон* и *Мегрэ – французский пинкертон* = ‘бельгийский / французский сыщик’ ≠ *Пуаро – бельгийский Шерлок Холмс* (комментарий такой же, как в предыдущем случае) и, пожалуй, невозможность **Мегрэ – французский Шерлок Холмс* (поскольку Мегрэ – комиссар парижской полиции, а Шерлок Холмс, как мы помним, частный сыщик). Вместе с тем, мы можем найти и подтверждения следа прецедентности, например: *Он скорее Пинкертон, а не Шерлок Холмс* ≈ *Он скорее Пуаро, а не Шерлок Холмс* (кроме того, см. последний из приводимых далее примеров).

А теперь посмотрим, как эти единицы употребляются в текстах и возможны ли их взаимозамены.

– **Но вы действительно эксперт по расследованиям? – уточнил Марк.**

– Да, – кивнул Дронго. – Я работал специальным экспертом ООН и «Интерпола». Но это все было достаточно давно.

– Значит, мы видим перед собой живого **Шерлока Холмса**, – торжественно сказал Марк. – По-моему, нам нужно взять у вас автограф на память. *Ч. Абдуллаев, Смерть на холме Монте-Марио.*

Все-таки странно: не очень молодая, но здоровая и полная жизни женщина внезапно умирает, а милиция, даже не настаивая на вскрытии, утверждает, что Лариса погибла от сердечного приступа. Комнату и то не осмотрели, **Шерлоки Холмсы!** Уму непостижимо! *Д. Донцова, Дама с коготками.*

Неужели серьезно полагаете, что сумеете вычислить убийцу? Это же игра в разбойников. Полагаю, вы не считаете себя **Шерлоком Холмсом?** *Ч. Абдуллаев, Плата Харону.*

Надо же, как плохо подчиненные противного Витьки обыскали помещение. А еще обзывает других постоянно действующим несчастьем! Лучше бы проследил за своими **Шерлоками Холмсами**, такую улику не заметили! *Д. Донцова, Привидение в кроссовках.*

– <...> насколько я знаю, вы недавно были вместе с генералом Гургенидзе в США в совместной командировке. Именно поэтому мы посчитали, что нам нужно с вами поговорить.

– Это вам сообщили наши **Пинкертон**? – зло осведомился Аситашвили, глянув на Джибладзе и Тамару [сотрудников МВД Грузии].
Ч. Абдуллаев, Когда умирают слоны.

В Афинах только что побывала оперативно-следственная группа их России <...>. Обмен материалами, которые имеются у обеих сторон, с местными **пинкертонами** позволяет сделать сенсационные выводы. *МК, 15.02.2002.*

– Костюм от Ле Монти – это маскировка?

– Почему?

– Трубка у вас больно занятная. Номерная.

– Вы не правнучка **Пинкертона**?

– Я из рода **Шерлока Холмса**.

«Нет, подумал Пайпс, ты, детка, из рода Мата Хари. И за платьицем этого не спрячешь.» *О. Андреев. Отель.*

Анализ приведенных контекстов показывает, что взаимозамены в них практически невозможны. Исключение составляет, пожалуй, последний пример на *Шерлока Холмса*. Думается, что ограничением в данном случае (так же как и в случае с *Дон Жуаном* и *ловеласом*) является прецедентность одного имени (*Шерлок Холмс*) и отсутствие таковой у второго (*пинкертон*). Особый интерес в этом смысле представляет последний пример, в котором и *Пинкертон*, и *Шерлок Холмс* используются в одном контексте как имена собственные (что свидетельствует в пользу следа прецедентности у пинкертона).

Как мы видели, следы прецедентности проявляются, в том числе, в ограничении контекстов, в которых бывшие некогда прецедентными феномены не могут употребляться. Например: *Айболит – это врач; Айболит – это доктор* (причем совершенно необязательно, что только «звериный»); см.:

<...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать **Айболитом** [ветеринаром] Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме]. *Д. Донцова, Лягушка Баскервилей.*

Из ординаторской вышел давешний врач и замер, увидев Алину и Потапова. Ну что? Скушал, дорогой доктор **Айболит** [«человеческий» доктор]? Или все еще мечтаешь отвести ее в сосисочную на той стороне Садового кольца, а потом в свою совмещенную хрущевку? *Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости.*

Но при этом невозможно **Айболит* – это эскулап, возможно только *Айболит* – это звериный эскулап (или соответствующий контекст).

С другой стороны, о потере прецедентности может свидетельствовать как раз расширение круга контекстов, когда утрата образности, инварианта восприятия снимает ограничения на употребление. Например:

Главный ужас машиниста – «**анны каренины**», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и еще вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой. *АиФ*, №47, 2004.

Вспомним, что инвариант восприятия ПФ *Анна Каренина* – ‘женщина, бросившаяся под поезд’, а в данном случае уже неважно, мужчина или женщина, осознанно или случайно, главное – ‘человек на рельсах’.

В заключение этого фрагмента рассуждений замечу, что к проблеме определения границ прецедентности можно подходить с разных точек зрения. Моя задача состояла не в том, чтобы представить различные подходы, но лишь в том, чтобы показать некоторые из возможных вариантов.

Что касается постоянной *возобновляемости* в дискурсе (третьего из приведенных в начале разговора признаков ПФ), то, как я уже говорила, она оказывается факультативным требованием для подавляющего большинства ПФ, но при этом является обязательной для других единиц (например, фразеологизмов), в силу чего она (возобновляемость) не может быть однозначно признана дифференциальным признаком только и именно ПФ и не включается нами в их определение.

Поскольку ПФ являются ВИДОМ *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*, т. е. ментефактами, они могут быть либо лингво-когнитивной природы, либо – реже – собственно когнитивной. Отмечу, что ранее уже неоднократно писалось о «вербальности» / «невербальности» ПФ (в авторских и совместных работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и автора данной работы). Однако с учетом всего, сказанного ранее о природе ментефакта как такового, мне представляется необходимым сделать целый ряд уточнений.

Напомню, что первоначально среди ПФ выделялись невербальные и вербальные феномены. К первым причислялись произведения живописи, музыки, архитектуры и проч. Среди последних разграничивались феномены собственно вербальные и вербализуемые. Выделяемые среди вербальных феноменов четыре типа ПФ распределялись следующим образом: собственно вербальные – прецедентное имя и

прецедентное высказывание; вербализуемые – прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Сегодня более корректным мне представляется говорить не о вербальных / невербальных ПФ, но о ПФ *собственно когнитивной* или *лингво-когнитивной* природы (т. е. рассматривать их так же, как мы это делали, рассуждая о ментефактах). Приведу в качестве аргумента следующие соображения.

Во-первых, даже прецедентное имя и прецедентное высказывание, т. е. ПФ, имеющие фиксированную вербальную форму, едва ли могут быть однозначно определены как собственно вербальные феномены, ибо по природе своей они – сложный образ, обязательно включающий в себя, помимо собственно вербальной, еще и образно-эмоциональную составляющую (в данном случае я «выношу за скобки» прецедентные высказывания с дефектной парадигмой – обладающие только поверхностным значением, живущие по своим, несколько отличным законам; они скорее исключение, лишь подтверждающее общее правило).

Во-вторых, каждый раз, говоря, например, о прецедентном тексте или прецедентной ситуации, приходилось делать серьезные оговорки, касающиеся того, что они объединялись в одну группу вербализуемых ПФ, будучи при этом изначально принципиально различными феноменами. Ведь, действительно, сам текст (текст-источник) – феномен вербальный, а ситуация (ситуация-источник, даже если она «пришла» к нам из описания) – невербальный (описание ее вербально, а сама ситуация – нет). Однако и прецедентный текст, и прецедентная ситуация явлены нашему сознанию в виде *инварианта восприятия*, который предстает как некий сложный образ, включающий в себя как собственно образно-эмоциональную, так и вербальную составляющую (в качестве каковой могут выступать имя прецедентного текста или прецедентной ситуации, имена их атрибутов и т. д.).

Таким образом, *все* данные феномены имеют одну онтологию: они предстают как сложный образ, являющийся совокупностью вербальной составляющей и образно-эмоциональной составляющей. Рассматриваемое разграничение во многом предопределялось, как мне кажется, смешением, с одной стороны, природы «источника», с другой – наличием жестко фиксированной языковой формы, что в целом, пожалуй, не слишком оправдано.

В-третьих, такую же онтологию (целокупность вербальной и образно-эмоциональной составляющих) имеют и другие феномены, изначально исключавшиеся из числа «вербальных»: например, произведения живописи, музыки и т. д.

В свете всего только что сказанного подход, предлагаемый мною сегодня, позволяет, на мой взгляд, более корректно дифференцировать феномены различной природы.

Итак, к числу ПФ *собственно когнитивной природы* следует относить следующие:

- 1) источники которых изначально создавались с помощью знаков иных семиотических систем, нежели язык;
- 2) инвариант восприятия которых не включает в себя вербальную составляющую;
- 3) апелляция к которым возможна только с помощью невербальных знаков.

Например, один из уже ушедших в небытие анекдотов, посвященных музыкальной сфере, был построен на знаменитом бетховенском «бэ-бэ-бэ-бэ-э-э-э», которое обязательно должно было «пропеваться», при этом отсутствие у рассказчика музыкально-вокальных данных только приветствовалось (хотя на социумном уровне – в коллективном когнитивном пространстве музыкантов, музыковедов, знатоков и любителей музыки и/или творчества Бетховена, вполне вероятно, что данный феномен – музыкальное прецедентное высказывание – существует как феномен лингво-когнитивный, имеющий свое «имя»). При этом изначально собственно когнитивные феномены могут поддаваться вербализации, например, через именованное. Если «имя» «вплавляется» в инвариант восприятия ПФ, становясь его неотъемлемой частью, то сам феномен переходит в разряд феноменов лингво-когнитивных: таковы, например, *улыбка Джоконды*, *«Бурлаки на Волге»*, *Версаль*, *«Щелкунчик»* и под.

К числу *лингво-когнитивных* феноменов относятся ПФ:

- 1) источники которых изначально создавались с помощью знаков языка (исключительно или в сочетании со знаками других семиотических систем);
- 2) инварианты восприятия которых включают вербальную составляющую;
- 3) апелляция к которым возможна с помощью языковых знаков, именующих, называющих, описывающих либо сам феномен, либо его атрибут (необходимый и/или достаточный для обращения к самому феномену).

Остановимся на инварианте восприятия ПФ лингво-когнитивной природы чуть подробнее, поскольку здесь все несколько сложнее, нежели в случае с ПФ собственно когнитивной природы. Итак, вербальная составляющая инварианта восприятия может быть присуща феномену:

1) либо ингерентно («по рождению»; таковы в первую очередь прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты);

2) либо адгерентно («благоприобретена»; прецедентные ситуации, а также рассмотренные ранее ПФ собственно когнитивной природы, инвариант восприятия которых обрел вербальную составляющую).

В последнем случае вербальная составляющая может быть представлена:

1) либо «именем собственным» данного ПФ, обретенным им в процессе становления (имена прецедентных ситуаций, различных произведений, ставших прецедентными, из «невербального мира» – музыки, живописи, скульптуры и под.);

2) либо некоторым набором «имен» атрибутов конкретного ПФ, с помощью которых осуществляется апелляция к данному ПФ в процессе коммуникации (например, *полночный бой часов, потерянная туфелька* и под.).

Таким образом, у нас получается, что прецедентная ситуация – феномен изначально *собственно когнитивной* природы, перешедший в разряд феноменов *лингво-когнитивной* природы, которому изначально принадлежат прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание. Однако следует заметить, что между данными феноменами, с точки зрения их природы, есть более тонкие различия, на которых мы сейчас не имеем возможности останавливаться.

И еще несколько коротких замечаний, касающихся ПФ в целом. Будучи ментефактами, ПФ имеют уровни, выделяемые с учетом их «масштаба» и «широты охвата». Соответственно, выделяются *СОЦИУМНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены (т. е. прецедентные для любого среднего представителя данного социума) и *НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены (т. е. прецедентные для любого среднего представителя данного национально-лингво-культурного сообщества). Вопрос о наличии «универсально-прецедентных» феноменов, как уже отмечалось, на сегодняшний день остается открытым.

СОЦИУМНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ феномены входят в *КОЛЛЕКТИВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА*. *НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены входят в *КОГНИТИВНУЮ БАЗУ*. И те, и другие входят в *КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО*.

Что касается природы ПФ, о которой мы только что говорили, то, как мы видели (на примере музыкальных произведений, в частности), один и тот же феномен, являющийся прецедентным и на социумном, и

на национально-культурном уровне, может иметь различную природу в различных совокупностях (ККП и КБ).

В фокусе внимания в данном случае находятся в первую очередь **НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ** феномены. Особо подчеркну, что для самих национально-прецедентных феноменов, как уже неоднократно писалось, абсолютно *неважна* их «историческая родина» – откуда тот или иной феномен пришел в культуру. Так, если феномен является прецедентным для русской культуры / лингвокультуры, то это *русский* прецедентный феномен. При этом русский инвариант его восприятия может принципиально различаться с инвариантом его же восприятия в другой культуре. Иначе говоря, формально может казаться, что мы имеем дело с одним феноменом (есть совпадение по форме), но по сути мы перед нами может быть два (и более – в зависимости от числа сопоставляемых культур) феномена (есть расхождение по «содержанию»); ср., например, русский *Дон Кихот* и испанский (даже шире – европейский) *Дон Кихот*; русский «*Том Сойер*» и американский «*Том Сойер*»; русское *Бородино* и французское *Бородино* и т. д. и т. п. И, кстати, такого рода случаи – серьезный источник потенциальных конфликтов при межкультурной коммуникации, а посему изучать данные «конфликтно-генные зоны» сгущения культураносных смыслов необходимо не только ради удовлетворения собственного научного любопытства, но и для того, чтобы облегчить процесс взаимопонимания при межкультурном взаимодействии.

И последнее. С позиций психолингвокультурологии ПФ рассматриваются в первую очередь как ментефакты, как единицы *КУЛЬТУРЫ* и *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, но, если в фокусе внимания оказывается проявление культуры в языковых процессах и/или культуры и лингвокультуры в речевой деятельности человека говорящего, то они могут рассматриваться и как единицы *ДИСКУРСА*.

4.2. Духи, артефакты вторичного мира и стереотипы

Очень коротко представлю уточненное понимание оставшихся трех видов представлений. Итак.

ДУХ – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия персонажа низшей мифологии в условиях определенной культуры (напр.: *домовой, водяной, русалка, кикимора, леший* и под.).

АРТЕФАКТ ВТОРИЧНОГО МИРА – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия «волшебного» предмета в условиях определенной культуры (напр.: *скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, ковер-самолет* и под.).

СТЕРЕОТИП – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия некоторого класса однотипных феноменов в условиях определенной культуры (напр.: *экзамен, очередь, бомж, лиса, яхта олигарха* и под.).

Из представленных дефиниций со всей очевидностью следует, что все данные виды *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* обладают, подобно ПФ, следующими чертами:

- 1) носят *сверхличностный* характер, т. е. являются общим для – как минимум – двух представителей национально-лингвокультурного¹³ сообщества;
- 2) обладают *эмотивностью* и *аксиологичны* по природе своей, т. е. связаны с эмоциями и оценками;
- 3) обладают *образностью*;
- 4) формируются *на основе восприятия*.

Критерием разграничения / разбиения всех видов представлений является их «источник»:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ имеют своим «источником» *уникальный, единичный феномен*; в этой уникальности и единичности их принципиальное отличие от всех других видов представлений;

ДУХИ – персонаж низшей мифологии; они едины в своей множественности;

АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО МИРА – «волшебный» предмет, который герои создают или обретают и с которым они имеют дело; они, подобно духам, могут быть едины в своей множественности, но в отличие от них артефактивны; и именно артефактивность отличает данный вид от других представлений;

СТЕРЕОТИПЫ – класс однотипных феноменов (предметов, действий, ситуаций и под.); в данной изначальной множественности однотипных «источников» заложено принципиальное отличие стереотипов от других видов представлений; в «природе» источника (действие, предмет, ситуация) кроется основа разграничения стереотипов: стереотипы поведения ↔ стереотипы представления {стереотипные ситуации ↔ стереотипные образы}.

В заключение особо подчеркну, что изучение когнитивной подсистемы лингвокультуры началось не так давно, и в этой области мы имеем, пожалуй, больше вопросов, нежели ответов.

¹³ Напомню, что в данном случае мы обсуждаем феномены именно этого «уровня».

Л и т е р а т у р а

1. Банникова С.В. Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов). АКД; 2004.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Завьялова К.В. Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
4. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект). Волгоград, 2007.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1997.
6. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
7. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
8. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва, 2004.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
11. Мурадова О.В. Концептуальное поле СУДЬБА в современной русской лингвокультуре. Дипломное исследование. М., МГУ, 2008.
12. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
13. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
14. Сергеева Г.Г. Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде (школьники 10-11 класса). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
15. Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. АКД, М., 2003.
16. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
17. Тананина А.В. Концептуальное поле «Любовь» и его предъявление в иноязычной аудитории. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
18. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 43-73.
19. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
20. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20-41.
21. Шахнарович А.М., Юрьева Н.М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
22. Шишкова Т.Г. Концептуальное поле ДОБРО в русской лингвокультуре. Дипломное исследование. М., МГУ, 2010.
23. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.